

Миниатюры выжигания

Ксения Время

18+

Ксения Время

Миниатюры выжигания

«Автор»

2025

Время К.

Миниатюры выжигания / К. Время — «Автор», 2025

Как бусины на нитку нанизаны истории из жизни о любви и становлении человека сквозь призму ценности жизни и любви к ней. Чувственная и трагичная история девочки, борющейся за жизнь и познающей грани бытия.

Ксения Время

Миниатюры выжигания

В строчках

В строчках

Я помню тебя на этом маленьком балконе, готовом рухнуть в любой момент вниз, пока солнце нещадно палило нам шкурки летом 2014-го. Привет. Я научилась выкидывать окурки так же, как ты. Я помню тебя, целующего мои ноги, и ощущение тепла и желания где-то ниже моих искромсанных ребер. Привет, я научилась засыпать без тебя, хоть и было это всего раз или два и то – уже не правда, уже история. Забыла. Я помню тебя смущенного, дотрагивающегося до моего носа, проводящего этот эксперимент, на который я ответила просто – согласием. Привет, я забыла твою холодность, научилась отгонять мысли в метро и воспоминания об этом чертовом брелке на моей руке, тебя, выходящего на Невском проспекте, поправляющего капюшон куртки. Я помню твой голос, твою дергавшуюся ногу под столом, бровь, что нервно поднималась порой, улыбку, появляющуюся на твоём уставшем лице. Их было много. Улыбки разочарований, искренности. Привет, я научилась стирать и это. Я помню все эскалаторы, на которых мы целовались, – их было не так много. А те, на которых не делали этого – помню подавно.

Помню, как складывала на твою широкую грудь голову, помню, как сворачивалась калачиком рядом, тихо сопела и сдерживала себя перед очередным нападением и провокацией, но, не поддаваясь им, сокрушалась и жалела, будто я стала совершенно безмозглой и глухой.

Привет, я научилась не злословить про себя из-за совершенных мною же ошибок. Я помню, как брала тебя под руку, как теплый летний ветер чуть касался щек, помню арбуз, ленты, карандаши, помню все.

Привет, я научилась засыпать спокойно. Я помню, как однажды проснулись вместе, помню, как прогуливались ночью, помню, как порой молчали, помню, как ты смеялся, изливаясь ручьем счастья. Привет, кажется, я уже не сержусь. Не забыла перо, вложенное в листик для тебя, не забыла сорванную руну на твоей груди.

Привет, я убрала все в коробку с надписью «темогу», может, помнишь ее, такую коричневую, плетеную. Помню свое фото на заставке твоего телефона. Привет, я удалила все воспоминания из моего за три часа. Быстро, болезненно и малоудовлетворительно, бесполезно. Я помню холодную осень, что принесла мороз на мою кожу, твое ледяное дыхание на расстоянии и эту взрывную тишину, помню, как из-под ребер вываливались куски боли и падали на пол с громким звуком раскаяния, помню потерянность, необходимость, беспробудность.

Привет, кажется, я научилась быть спокойной. Помню, как летела к тебе каждый раз «через тернии к звездам», боялась от жадности потерять эту тонкую нить. Привет, я не летаю в очередной раз. Помню, как писала что-то у себя в блокноте, звонила, а ты спокойно ждал меня, будто стоял рядом за спиной, и этот холодок, что пробежал спиралью по моему позвоночнику от шепота твоего уставшего голоса. Привет, а тебя я не смогла дождаться. Помню, как в очередной раз хотела до конца, до самого предела, до линии отрыва, где все честно, оголенно, а...

Привет, я оказалась не лучше других. Я помню фристайлы, утренние приезды, как мы спокойно трапезничали рядом, заваривали кофе, курили в постели, переворачивали дом вверх дном, какой я была неуклюжей от ощущения этой чертовой влюбленности, которую мне было

никак не выжечь из себя, как театрально я не дала тебе побыть одному, будто в кино, будто в каком-то очередном кадре. Привет, я разучилась быть такой. Лишь пытаюсь и сливаюсь с жадным дядюшкой отчаянием через каждый новый час. Я помню звонки через границы, переписки огромными письмами, эти обращения на «Вы». Я помню и последнее «и Вам» в ответ на пожелание удачи в жизни, и сердце не сжимается. Привет, его, кажется, не стало давно, еще в самом начале, когда не стало тебя рядом, когда я перестала чувствовать Скалу за моими плечами, будто по накатанной, словно ты специально нашел тот единственный выход – как моими же руками избавиться от меня.

Привет, я чувствую себя обманутой, слабой и добитой. Помню, как ты говорил, что надо бежать от таких, как я, без оглядки. Ты не бежал. Привет, я бегу сама от себя который год и не могу никуда скрыться. Я помню, как искала на полках книжного магазина ту самую книгу, как искала другую по всем сайтам интернета и не находила. Привет, я больше не ищу ничего – не за чем, некому, не надо. Помню, как обнимал, а я чуть приседала, чтобы чувствовать дыхание на кончиках своих ушей, как каждый раз поправляла твою челку, как целовала там, где не целуют, как забывалась, как плакала, помню, как смеялась, как было «с тобой» и как было «без», помню, как уходила и возвращалась, как пила на Невском кофе из моего любимого пластикового стаканчика в ожидании Великана. Помню, черт бы побрал все эти три недели, разорванными листами пятидесяти проз, двадцати стихотворений, тремя тысячами прокруток одной и той же песни. «Зачем мне все это».

Я не приду, и ты не придешь. Мы не придем никогда.

Я помню, как прощались шепотом и слушали тишину в телефонах, пока ты в очередной раз не заставлял меня положить трубку.

В этих воспоминаниях 777 слов. 553 из них – мои воспоминания и 224 слова о том, что забывается и меняется. Только бы впервые в жизни 224 стало весомее и больше, чем 553.

19.10.14 – 5.11.14

Никак

Дышать. Жить. Наслаждаться. Верить. Надеяться. С каждым разом мощнее, сильнее. Расти. Падать. Подниматься и идти дальше. Это нормальные этапы становления личности в жизни, но что, если в один прекрасный момент ты замираешь в какой-то точке и не можешь идти дальше? Что, если у тебя больше нет сил, нет веры и надежды, что ты способен что-то изменить, стать совершенно другим человеком? Рано или поздно все эти вопросы возникают у нас в голове, но никто не задумывается о том, что регресс порой полезнее простоя. Потому что после него ты можешь сделать такой скачок, какой не сделаешь в прогрессе.

Жизнь – это движение. Если время останавливается, не важно, в каком пространстве – это смерть. Не важно, в какой промежуток будет эта остановка, если все замирает, то замирает сам смысл жизни. Когда ты выходишь из этой паузы, то начинаешь все заново. Начинаешь возрождение себя. Это сама суть пути человеческого. Даже если есть что-то, что нужно, что необходимо сохранить, то при условии неизменности этого самого дорогого... даже если это посадить в капсулу, чтобы всегда оно было рядом – это иллюзия сохранности, как бы ни было дорого тебе это, как бы ты не хотел это оставить...

Бешеным псом разрывает ее беспокойный сон. Выдергивает из той реальности, где лето только-только набрало обороты и рывком вносит в совершенно иной мир, где мерзнет нос, а пальцы на ногах скручиваются в теплых носках под тремя одеялами от нежелания выползть в этот холод. Но она лениво открывает спросонья оба глаза, и темнота проникает в ее зрачки,

заставляя их расширяться чуть ли не до конца хрусталика и соприкоснуться с белками. Очередное утро. В доме витает еле заметный запах печеной рыбы. Вещи, сброшенные после тяжелого рабочего дня, так и продолжают валяться кучей у кровати. Накрывает тыльной стороной ладони лицо и выпускает струйку воздуха. Еще один бешеный день. Откинув одеяло, рывком встает с кровати и опускает ноги на тапочки. Пальцами нащупывает вход и пробирается в них, словно гусеницами ползет до упора. Облокотившись на мягкую кровать, встает и медленно потягивается. Безмолвный и пустой, тот самый дом, где должно было быть так много смеха и радости, семейных ужинов, молчит. Молчит, как убитый.

Спускается со второго этажа на кухню и включает лампу в самом дальнем углу двумя хлопками. Выглядывает в заснеженное огромное окно с нее в высоту – весь сад стоит покрытый белым снегом, словно на деревья кто-то одел шапки. Желто-зеленая трава согнулась под прикрывающим ее полупрозрачным инеем, а маленькое озеро затянул тонкий лед. Надави – и треснет, но в такую погоду не хочется ни на улицу, ни на работу, никуда. Правда, в такие секунды происходят чудеса. Снег – вестник волшебства. Словно в каталептическом состоянии заваривает себе кофе, наливает молока и плюхается в кресло у огромного длинного стола. Разбросанные карандаши, наброски, исчерченные листы, какие-то кляксы, не выключенный ноутбук – работа. Работа всегда и везде не покидает ее.

В автобусах, метро, разве только в машине она собирает все мысли в пучок и потом выкидывает на чистые страницы электронных документов. Копит и копит свою писанину в самых дальних папках флэш-накопителей и старается никому ничего не показывать.

Работа, работа – единственная возможность не сойти с ума от скуки и заниматься тем, что работой-то не назовешь – своей душой. И сердце бешеным ритмом разрывает грудную клетку.

Мальчик просит драмы у старой, уставшей, рассыпающейся дамы.

Мальчик просит сахара, пластырей и ваты летней осенью сахарной.

Мальчик просит. Девочка больше не даст. В тот момент, когда опускаются руки, когда хочется сбежать и спрятаться, она удаляет три тысячи сообщений из переписки. Уер.//

«3000 сообщений диалога были успешно удалены» – беспристрастно сообщило всплывшее информационное окно социальной сети. И как она только могла решиться на такое. Странная девочка. Так берегла все эти воспоминания, а потом в один клик удалила, и не стало ни плохо, ни хорошо. Осталось, как было – совершенно никак. Ни живая, ни мертвая – цельно-бесцельная, разбитая, как чашка, стакан – хоть всю посуду перебейте.

Не центр Вселенной. Даже своей. Облегчение не заставило себя ждать. Закралось под ребра теплой пушистой кошкой и поселилось там. Свернулось клубком, помяв лапками сердце, и уткнулось в него своим прохладным носиком.

Где пусто, всегда станет полно, потому что, уходя, покидающие оставляют место для новых свершений, новых эмоций и побед, новых людей и счастья. Кажется, что, потеряв, ты больше ничего не сможешь, никогда, но это обман. Нам нравится самим оплакивать потерю, ждать ее возвращения – не стоит. Ведь рядом с пустотой у тебя остается то, чего нет больше ни у кого – ты сам. Только от тебя зависит, исчезнут ли эти пустоты или превратятся в черные дыры. Только от тебя зависит, найдешь ли ты что-то большее, чем потерял, обретешь ли ты снова улыбку. Будь просто благодарен, а дальше жизнь сама покажет, кто и чего стоил. Чего стоил ты. И кого будешь.

Закидывает жевательную резинку в рот. Тщательно пережевывает раза три. Жевательная резинка со вкусом жевательной резинки. Странно. Надувает огромный пузырь, и он лопается с громким хлопком, словно это единственный звук, который можно услышать на всей этой планете. Дом содрогается и словно съеживается от страха.

Открывает крышку своего любимчика. Два хлопка, и в темной кухне виден только свет от экрана ноутбука. Щелкает что-то, и в помещении возникает словно по волшебству нежность. Легкий бит. Вспоминает и поеживается. Переплетает длинные большие пальцы ног друг с дру-

гом. Холодные, хотя в доме тепло. Каково это, когда без обезболивающего тебе палят кожу на ногах, каково чувствовать этот запах горелой плоти, которая только недавно была и ее не стало. Уносится мыслями туда, где делают инъекцию. Где она касается ресницами щек, лежа на операционном столе – слишком часто она стала закрывать глаза как в прямом, так и переносном смысле. Чувствует, как немеют ноги. А если она не сможет больше ходить? А если не пойдет? А если останутся шрамы? А если...

И это стаей кружит в больной голове. Ощущает, как что-то острое протыкает кожу, потом другой лоскут, но не чувствует ничего. Удивительно – впервые не чувствовать ничего, кроме сковывающего страха. Может, это он так действует на нее, а не анестезия? Еще десять минут, и это закончится. Только десять минут. Ждет спокойно, не шелохнувшись, но внутри такая буря, так хочется кричать и сопротивляться. Внутри. Только там. И время, словно черепаха, ползет, пока она считает по шестьдесят секунд в уме. Последний штрих, и хирург делает узел. Чувствует, как тот впивается прямо в мясо. Легкая прохлада начинает рассасываться в теле и исчезать. И с каждой секундой становится еще страшнее просто не встать, когда подойдет срок. Или встать, но не смочь шагнуть. Выходит из оцепенения, и ноющая боль взрывом от эпицентра разносится от бедер до колен, будто выбивая чашечки из суставов.

– Вот и все, – улыбнувшись, произносит Белый Халат, – можете вставать, только аккуратно.

Чуть приподнимается и смотрит на свои бедра. Уродливые нитки впились в воспаленную красную плоть, давя так сильно, что кровь маленькими капельками замерла на швах.

– Будете хромать первое время, а потом станет легче, и внимательно посмотрите на голени. Их нельзя сильно сгибать, иначе швы разойдутся, поэтому советую вам ходить как можно меньше и не носить каблуки первое время.

– И сколько это?

– Месяц или три недели. Посмотрим, как все будет заживать.

– Спасибо.

И она осторожно сползает с операционного стола, аккуратно ступая на холодный кафель, а ледяной пол так и обжигает ступни через носки. Одевается и, не сказав ни слова, выходит.

Это был тот день, когда кончилась ее жизнь. Когда она поняла, что вернуться к танцам не удастся никогда. В спорт тем более, только любительский.

Возвращается в реальность, закатывает штаны до колена и обрабатывает ранки перекисью. Очередь до швов на бедрах еще не дошла. Прошло уже больше двух недель, а боль не оставляет ее. Больше двух недель, а она до сих пор помнит запах больницы, чувствует кожей эти накрахмаленные простыни и отвратительную садистскую улыбку врача. И ничего с этим не поделаешь. Что было, то было. Удивительное ощущение, будто она до сих пор под анестезией, но это ложное восприятие этого безумного мира, в который каждое утро ей все меньше и меньше хочется. Но здесь никто не спрашивает, чего ты хочешь, здесь каждый день – новое испытание на пути к исполнению своих желаний. И она замерла, поставив точку на всем и всех. Не надо лишних многоточий – они все усложняют. Они делают жизнь наполненной надеждой, которая приходит только тогда, когда о ней забываешь, как и мечты, как и исполнение всего, что задумал. Лопает еще один надутый пузырь и спускает штаны до пяток. Теперь есть весомый повод никогда не надевать платья и юбки. Не любила их с самого детства, а теперь и подавно. Есть повод умолчать с улыбкой обо всем, что случилось за эти месяцы. И наконец-то есть повод появиться в спортивном зале, потому что дома восстанавливаться лень...

И пришел день... И пришло испытание. Испытание тишиной, одиночеством и физическими терзаниями. Пошел третий месяц спора. Еще два года и восемь месяцев, и можно будет сказать, что она выиграла, но, как и сейчас, потом тоже некому будет этим похвастаться. И даже если восстановить эти три тысячи сообщений, что возможно только после прерывания молчания ее собеседником, то все равно ничего не изменится. Будет так

же, как и было – никак.

Ноябрь, 2014

Обволакивающе

Обнимай меня, слышишь, обнимай меня так, словно я никогда больше не приду. Зажимай так, будто я оказываюсь между двумя стенами, которые сдвигаются и давят на меня. До хрипоты, до хруста в ребрах. Обнимай так, чтобы, не видя тебя неделями, я чувствовала, что ты рядом, вспоминала твои огромные ладони, длинные пальцы, темные глаза, бесконечные пушистые ресницы. Ты – моя сила, моя мощь, моя стойкость, мое обезболивающее, мой антибиотик на эту холодную, длинную питерскую серую зиму со слякотью на дорогах. Я буду вспоминать эти ощущения: прикосновения твоей щетины к моей коже, этот вечный кофе и неизменное желание видеть тебя всегда. Вспоминать порой мимолетные, порой теплые прикосновения твоих рук. Клади мне ладони на спину чаще. Клади. Это то самое, что есть во мне – твоя нежность, просачивающаяся сквозь подушечки твоих пальцев без перчаток. Только как ты не мерзнешь в такую погоду. Как.

Алкоголь и сон. Надрывный, сбитый.

Ты – тот самый, который. Который сам не зная как, будучи в каждой клетке моего организма, спасал меня все эти месяцы. И даже если я отныне не умею любить, я знаю, что твоей любви хватит на нас обоих. Даже если я буду самой уставшей от жизни, самой забитой и брошенной – я всегда буду улыбаться тебе, потому что ты – кусок моего сердца.

Оно было таким маленьким, а ты оторвал от своего часть и отдал мне. Благодарна.

Я хочу проснуться однажды солнечным утром в твоей залитой золотым светом комнате, на твоей кровати, под твоим одеялом, в твоей огромной рубашке и чувствуя себя в твоих объятиях. Увидеть твое безмятежное спокойное лицо, пока ты спишь, мирно подрагивающие ресницы от ровного дыхания. Это момент волшебства, когда ты со мной рядом, но где-то в другом месте. Вылезти из кровати и босиком на цыпочках дойти до кухни, чтобы принести два стакана свежевыжатого апельсинового сока и крекеры, найденные в шкафу, и мышкой вернуться обратно к тебе в постель, нараскидывать кучу крошек по всем простыням, пока буду писать конспекты. Потому что ты – моя крепость, мой смех, мой тыл, моя семья. На каждой площади этого серого города я готова кричать тебе, что я твоя, надеюсь, что из тысяч ты действительно выберешь меня, надеюсь, что среди толпы ты всегда найдешь меня, если я вдруг опять потеряюсь, но уже не по своей воле. Всегда увидишь. Смотри в меня, как смотришь всегда своим пронзительным взглядом, с огоньками в зрачках, с этим добрым прищуром. Смотри и видь.

14.11.14

А помнишь, девочка моя?

17 ноября 2055 года

Моя девочка, моя самая сильная и самая стойкая хрупкая девочка с огромными кошачьими зелеными глазами. Моя воительница, что летом раздирает себе руки по локоть в клумбах с розами. Здравствуй. Пишу, как не писала никогда, душа моя. Что ж. Сказать, что я скачаю – не сказать ничего. Я вижу тебя каждую ночь во сне, обнимаю тебя за хрупкие плечи. Я помню запах твоих рубашек, накинутых поверх маек, помню твои ключицы и тонкие запястья, окольцованные пальчики. Я помню каждую твою строчку обо мне, помню каждое произведение, помню каждое твое острое слово и смущение, помню твою холодность и отстраненность,

податливость и кошачьи повадки. Я помню нас еще тогда, молодыми и дерзкими. Помню эмоциональными и счастливыми. Помню готовыми на все ради мечты.

А помнишь те мыльные огромные пузыри, которые летели в нашу сторону на Невском и лопались, прикасаясь к нашим курткам? Мы жмурились как дети, докуривая по первой-последней перед входом в метро. Я тогда еще долго язвила и злословила обо всех, а ты со спокойным выражением лица мерила темное небо своим прохладным взглядом.

Как же было тогда... Хорошо. Сейчас не хуже, девочка моя, но артрит в конец доконал – даже сложно обнимать тебя при встрече, больно, но я справлялась до этого, значит, и в этот раз справлюсь. Только верь мне.

А что было тогда, помнишь, у великана на сольном концерте? Я так хотела, чтобы ты утопала во мне, и ты тонула, но потом пришлось расстаться... Лишь на время, но расстаться. А Новый год помнишь? Как мы у него удачно устроились на очередном выступлении, и ты грелась во мне, лежа на моем животе. И бабочки, бабочки, бабочки.

Было щекотно. А помнишь, порой мечтали на двоих, и мечты сбывались? Вот я помню удивленные наши лица. А ты? Еще вспоминаю, как было хорошо в барах сидеть на мягких диванах – мне всегда приходилось вытягивать правую ногу в сером теплом носке зимой вдоль спинки и говорить «падай», и ты падала в меня.

А летом... Летом, помнишь, как я отказывалась от юбок только ради этой традиции и носила то брюки, то легенсы, то спортивные штаны. Порой я думаю, что мне импонировало больше: твое падение или посветить своими носками, и не смейся – я серьезно. Тогда можно было носить их как угодно: и с плюшевыми мишками, и с надписями. А браслеты помнишь? Я надевала их даже на работу, хотя нельзя было. Такие времена были... Нет, не подумай, сейчас не хуже, но я скучаю, а эти остолопы не дают мне мой любимый виски, мол, сердце у меня слабое, и любимые пирожки с морковкой – холестерина, видите ли, в них много. Мозгов у них мало, вот что я тебе скажу, девочка моя, а уж запретить пить мне молоко с кофе по утрам и круассанами – это кощунство, изверги малолетние. Но я счастлива. Внуки такие большие. Помню, тогда мальчика хотела, а родилась девочка, прямо под стать твоему сынуле. Вот и развлекаются теперь – нас с тобой мучают, особенно разъездами. Ну, ничего, допишу книгу и вернусь. Скоро.

Прости, что так давно не писала тебе. Что поделать, жизнь идет, руки уже не те. Совсем не те. Болят суставы, поэтому даже не представляю, как долго я бы набирала тебе это письмо. Напридумывали, конечно, кучу всего, а теперь нам, старикам, разбираться. Но хорошо, что напридумывали. Я могу надиктовывать тебе все что угодно, а этот адский агрегат, не знаю уж как, но справляется с интерпретацией всего. Внуки уже мне, старухе, не могут объяснить, как пользоваться этой странной штукой, но ради тебя научусь еще, ведь столько времени впереди. Вернусь к тебе скоро и буду надеяться, что ты ждешь меня.

Перебирала свою старую коробку с воспоминаниями. А помнишь тот вечер, когда выступали в первый раз, и я не могла дышать, пока читала все стихи? Помнишь, как смотрела на меня своим спокойным взглядом? И тот февраль? А Москву, Москву помнишь? Хорошо, что мы были не совсем курицами и умудрились не надеть на Красную площадь каблуки – ноги бы переломали, клянусь тебе, девочка моя! А фотографии помнишь? Особенно ту, в кафе после вручений? Как тогда было спокойно и хорошо, несмотря на то, что дальше была бешеная рабочая неделя, но мы выдержали с тобой. А помнишь, как ты поступала в магистратуру? Ох, были времена, хорошая моя. А кораблики, кораблики помнишь? Тогда, в августе, в пледах ходили по каналам и рекам? А книгу, книгу первую помнишь? Как в восторге я кружилась, а ты спокойно улыбалась своей легкой и любящей улыбкой? А помнишь...

Знаю, знаю, что ты помнишь все. Помнишь все объятья и теплоту, что дарили друг другу, чего это я у тебя спрашиваю-то все. Наверное, хочется обратно, хочется туда, в восторг и молодость, в эмоции с головой. Но мы ведь все те же. Мы ведь все еще рядом.

Мы ведь все еще вместе. Захотелось повить, девочка моя. Скоро вернусь. Обещаю.

P.S. Не забудь бумаги подписать, а то мы так с тобой еще долго будем тянуть с контрактом на выступления эти... как их там... ты поняла. Хочется ведь, чтоб свет был во всем нашем деле. А у меня такая плохая память стала. Но я помню тебя. И буду помнить всегда. Надеюсь.

15.11.14 – 17.11.14

Ради одного момента

Тихими шагами зима приходит в город, но еще раньше загород. Ползет инеем по веткам голых деревьев, порошит тропинки и дороги. Впервые в жизни не хочется бежать от такой красоты, не хочется думать, что когда-то мечтал о совершенно иной жизни.

Уезжая вглубь, можно увидеть огромную площадь под теплицы, которые ночью светятся так, что далеко-далеко видно, что темное небо освещается этим желтым блеском, будто творится волшебство, а это обычные огурцы выращивают. Смешно.

Бывает в городе редко, чаще в новом подаренном доме. Или приезжает на старую квартиру. То тут, то там. Не может выбрать: новое или старое. Все время возвращается, чтобы вспоминать. Ходит по квартире с завязанными в пучок рыжими волосами. В очках и смешных растянутых теплых серых штанах, надеясь, что однажды не станет этого холода и мороза. Нужно лишь подождать. Всего лишь четыре месяца. Не успеваешь оглянуться, а три уже позади. Их нет. Лишь в твоей памяти кусками всплывают картины осени, порой пытаются зародиться приступы паники и страха, когда измененное сознание дает выход подсознанию, и ты действуешь наощупь, не замечая, как летит время вперед, как торопится оно помочь тебе. Оно торопится, но оно есть всегда – на мечты должно находиться.

Порой надевает кеды с вывернутыми язычками и, не шнуруя, выходит на лестничную клетку. Уже реже, гораздо, потому что понимает, что тратит себя впустую. Нет мыслей. Нет ничего. Только выдохшийся оптимизм и энтузиазм, который еле-еле дышит к вечеру, а с уходом ее в царство Морфея совсем умирает с последним вдохом бодрствования и на выдохе сна исходит из ее души, возрождаясь утром как феникс из пепла. Так бывает. Иначе невозможно. Ей кричат многие «перестань жить в своем выдуманном мире, побудь с нами, вернись», но она продолжает быть там. Потому что даже если в другом мире порой опускаются руки, то что будет вне его?

Наступают такие моменты в жизни, когда ты не знаешь, что, почему и как. Когда ты и рад был бы отложенным делам, но в тоже время грустишь, потому что не знаешь, зачем они взяли и исчезли вдруг из списка. Может быть, чтобы отдохнуть, может быть, чтобы что-то сделать другое, но расстраивает лишь один факт – ты так хотел сделать сегодня именно это, а не другое, а по какой-то причине это исчезло. И грусть теплом расплзается по твоим венам вместо виски. Растягиваешь время, чтобы прогуляться от одной улицы до другой через перекрестки, где узкие длинные дома шпильями касаются самого неба. Еще чуть-чуть и проткнут его своими острыми наконечниками, а если начнут, то вспорют его, и хлынет оттуда водопад такой мощи, какой еще не видел этот свет. Где в блочных домах, что стоят безмолвно по обочинам дороги, загораются окна, где люди возвращаются в свои квартиры, где их ждут. Или где они будут ждать кого-то, и в такие секунды ты чувствуешь себя самым одиноким и ненужным человеком на свете, пока маленькими глотками пьешь свой несчастный кефир. Один глоток в два шага. Другой в два шага. Третий. Даже музыка, попадая в твои артерии и добегая до сердца, не может вышвырнуть оттуда тоску по несделанным делам. Заметьте, не перенесенным на другой день, а именно несделанным, которые не будут сделаны уже никогда, потому что для них был отведен именно тот день и именно тот необходимый час.

Чтобы хоть как-то усмирить себя, вспоминает забавный момент, например, как оплатив продукты в магазине, на кассе увидела маму в конце очереди и восторженно воскликнула:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.